

М. П. Волков

ПРИРОДА И ОБЩЕСТВО КАК ФАКТОРЫ ДЕТЕРМИНАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКИХ ФОРМ БЫТИЯ МЫСЛИ

Принцип социокультурной обусловленности генезиса и эволюции сознания, обладая несомненным эвристическим потенциалом и обеспечивая условия адекватного постижения мышления, может, при определенном истолковании его природы (уподобление его современному компьютерному интеллекту) и механизма детерминации (сведения его к набору свойственных всему роду человеческому потребностей), приводить к обедненной модели его (мышления) понимания, в частности - к исключению социально-этнических форм бытия мысли. Между тем постижение мышления невозможно без признания нерасторжимости его связей с чувствами, эмоциями, ценностями, оценками, архетипами коллективного бессознательного, которые, в свою очередь, привязаны к природным и социальным условиям бытия этносов и степень интенсивности, масштаб которых, вытекающий из характера отношений человека с природой, из структуры основных способов жизнедеятельности, обуславливает форму бытия мысли.

В контексте сказанного получает объяснение открытое в 30-е годы А. Лурия явление неприживаемости техники формальной логики к структурам ментальности человека родового общества, неотторжимым от условий его бытия в природе и обществе; свойственные русскому менталитету масштабность, безудержность в оценках (Коль ругнуть - так сгоряча, // Коль рубнуть - так уж сплеча. А. Толстой), гигантомания в социальных и технических проектах, равно как и склонность японцев к миниатюризации (танка и хокку - в поэзии, рисоуборочный комбайн, использующий принцип вычесывания зерна из колосьев, а не выбивания), сдержанность в оценках и т. п. оказываются не случайными, а сущностными характеристиками мышления, вырастающими из способа переживания пространства и времени.

Не претендуя на исчерпание проблемы, попробуем выделить два канала детерминации природными и социальными условиями мышления, позволяющих говорить о социально-этнических формах бытия мысли.

Во-первых, речь идет о такой форме проявления социально-этнического в мысли, как базисные экологические интуиции, складывающиеся в результате переживания природы: масштаба ее компонентов, характера отношений с человеком.

Культура всякого народа, представляя собой массив социально значимых программ деятельности, поведения и коммуникации, обнаруживает два структурных уровня - периферию, обеспечивающую ориентацию человека в исторически меняющемся мире, состыковку ценностных смыслов с прагматическими установками и являющуюся в силу этого подвижной, динамичной, подверженной значительными модификациям, и инвариантное при всех возможных изменениях ядро, представленное ценностно окрашенным образом мира. Оно формируется всей историей этноса, жизнь которого

привязана к определенной экосистеме, набору компонентов природной среды - характер последней во много детерминирует вектор истории, обусловленный в первую очередь аксиоматикой образа жизни (кочевники-земледельцы).

Глубинные структуры ядра культуры представлены базисными экологическими интуициями - устойчивыми характеристиками менталитета этноса, задающими способ переживания мира и обеспечивающими возможность узнавать видимое до того, как оно становится узанным в подробностях.

Говоря об особенностях менталитета русского народа, можно выделить две основные базисные экологические интуиции. Во-первых, это интуиция обитаемости и обживаемости мира, определяющая своеобразие такого духовного феномена, как русский космизм. «Славянский мир, - отмечал тонкий знаток народного сознания А. Афанасьев, - первоначально означает мир семейный, тишину домашнего очага, а Вселенная намекает на водворение (вселение) семьи у домашнего очага, под родным кровом» [1, с. 114]. Земля, По народным поверьям, это храм, в котором обитают люди, а небо - обитель богов. Дом человеческий и Дом небесный соразмерны; чувство соразмерности Дома и Космоса - это естественное переживание крестьянского уклада жизни, вырастающее из отказа от нескончаемого бега, отличающего жизнь кочевника. Не случайно народное сознание видит в горожанах лишь жителей, тогда как селяне есть души (Даль): за личиной горожанина, меняющего профессии, работу, жилье, проглядывает кочевник, подчиняющийся требованиям неестественной общности - «гражданского общества»; селянин, тысячами нитей связанный с Домом и живущий естественной общностью» - миром, следует богоданной форме жизни, и в силу этого ему даровано не просто иметь душу, но быть душой. Устремления же души сосредоточены на сохранении Дома как живого свидетельства соразмерности человека и природы.

В контексте сказанного естественным представляется появление у П. Флоренского мысли об ответственности человека за природу, о необходимости служения человека миру. Природа ждет от человека «заботы, ласки и оплодотворения духом». Сравнивая человека с мужем, которому надлежит любить Мир-жену, П. Флоренский видит миссию человека в том, чтобы вести природу к «просветлению и одухотворению». Человек как царь над всем сотворенным - Царь, но не тиран, - призван с бережением направлять хаотические порывы природы в сторону творчества и ему надлежит дать перед Богом «отчет за вверенное ему». Через служение природе человек способен воссоздать цельность человеческого бытия, состоящую в глубоком, неотчуждении восприятия мира как живого, одушевленного начала.

Представленная базисная экологическая интуиция находит свое наиболее полное воплощение в искусстве, народных традициях, обычаях, верованиях, просматривается в такой рафинированной форме интеллектуальной деятельности, как философия (русский космизм) с его идеями всеединства, единого ритма космоса, человека, истории). Русская поэзия демонстрирует все оттенки пути постижения мира сердцем: чувство глубинного родства человека и природы (легендарный Баян, былины, народные песни, заговоры), потрясение

перед бездонностью космоса (Ломоносов), восторг и упоение природой (Фет), ощущение тождественности Бога, природы и человека (Тютчев, Баратынский, ранний Пастернак¹), переживание смерти как достижение согласия с миром (Анненский), языческое благоговение перед природой как спасительницей и целительницей, врачующей «теплом и щебетом», «прохладой вечности» и тишиной (Цветаева). В прозе путь общения с миром через сердце обнаруживается в языческом «страхе и трепете», приправленном значительной долей иронии и лукавства, перед миром начисти (Гоголь), в переживании резонанса состояний природы и человека (Толстой, Шишков), в чувстве слитности родины и природы (Паустовский) и др.

Другая экологическая интуиция русского менталитета представлена переживанием бытия человека как безмолвного и бескорыстного служения. Человек, вырастающий в убеждении обжитости вселенной, не напуганный ревом низвергающегося водопада, не переживший ужаса от вида и грохота извержения вулкана, следует пути «умного безмолвия» (Нил Сорский). Дом не оглашают криком, и блудного сына, возвращающегося домой, встречают тихими слезами прощения. Крик уместен в атаке, конная лава кочевников непредставима без крика и визга; крестьянское дело вершится на глазах природы в молчании, нарушаемом ласковым понуканием лошади идущим за плугом пахарем. «Остается прислушаться к голосу природы и делать то же самбе дело в стыдливом молчании» [6, с. 72].

Делание в стыдливом молчании совершается без идеи стяжания. «Для чего растет этот дуб? - задается вопросом Г. Успенский в очерке «Власть земли». - Какая ему польза сто лет тянуть из земли соки?... Вся польза и интерес жизни этого дуба именно в том и заключается, что он просто растет, просто зеленеет, так, сам не зная зачем. То же самое и жизнь крестьянина-земледельца: вековечный труд и есть жизнь и интерес жизни, а результат - нуль» [9, с.120]. И не может герой его очерка Иван Босых «взять в понятие», как можно жить ради наживы - вопрос, над которым не бьется объект исследования «Протестантской этики и духа капитализма». Феномен неприятия современным массовым сознанием богатства «новых русских» как несправедливо нажитого коренится в живучести базисной интуиции нестяжания, выпестованной не знающей стяжания природой.

Другим каналом мощного воздействия природы и общества на форму бытия мысли предстает язык: природа через комплекс естественных условий жизни этноса влияет на словарный состав языка, его орфоэпические особенности, а общество, культура детерминируют как словесное богатство

---

¹ У раннего Пастернака пантеистическая традиция доводится до тотального растворения «всего во всем», завершаясь смещением субъективности - природа становится активным началом:

.. Меня деревья плохо видят
На отдаленном берегу ...

языка, так и его грамматический строй, в частности такую его черту, как богатство (или бедность) форм будущего времени. Создатель сравнительного языкознания В. Гумбольдт объявлял его важнейшими задачами выявление различий в строении человеческих языков, их влияния на силу мышления, чувство и мировосприятие говорящих (*Denkraft, Empfindung und Sinnesart*) [2, с. 144]. В работе «Характер языка и характер народа» он, задаваясь вопросом о том, каким образом различия в характере языков способны воздействовать на познание (перед этим он констатирует, что многие языки так и не достигший той стадии развития, на которой создаются творения духа, а другие, достигнув этой ступени, не удержались на ней и деградировали), приходит к выводу, что «слова одного языка являют больше чувственной образности, другого - больше духовности, третьего - больше рассудочного отражения понятий и т. п.» [3, с. 349].

Интимная связь языка и мысли, подчеркиваемая В. Гумбольдтом и представленная в мирозерцании народа как творца и носителя языка, подтверждается и современными лингвистическими исследованиями, выделяющими особый тип ментальной деятельности - лингвокреативное мышление [8, с. 76-111]. Именно оно ответственно за порождение новых языковых сущностей посредством трансформации уже имеющихся в языке единиц, и оно же творит образ мира, в каждом языке отображенный по-особому. На основе этого образа, сотворенного и записанного в языке, мы можем членить континуум окружающего мира².

Известно, что древние греки, сравнивая свой язык с другими, ставили его на недостижимую высоту; подтверждением этого может служить презрительное именование народов, говорящих не на эллинском языке, варварами. Приняв этот культурологический феномен за исходный пункт, попробуем выявить те достоинства греческого языка, которые позволили ему стать первым языком науки.

Греческий язык, как русский и немецкий, относится к флективному типу, который характеризуется тем, что «грамматические значения фиксируются в основном окончаниями слов и слово практически никогда не бывает «голым», лишенным грамматического значения» [5, с. 186]. Противоположный полюс классификационной матрицы выражается аналитическим типом, который наиболее выпукло может быть представлен в XIV-XV веках новоанглийским языком; в этом типе языков лексическо-смысловое и грамматическое четко

---

² Тот же подход обнаруживает себя у одного из творцов теории лингвистической относительности - Б. Уорфа: «Мы расчлняем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они ... самоочевидны; напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном - языковой системой, хранящейся в нашем сознании». - Уорф Б. Наука и языкознание. О двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление / Б. Уорф // Новое в лингвистике. - Вып. 1. - М., 1960. - С. 174-175.

разведены, так что английское «слово» больше сходно с греческим или русским «корнем», чем «словом». Греческий язык, как это следует из приведенной оценки, отличаясь лексической и грамматической полнотой и представляя собой язык-систему, способен предельно точно выразить через смысловые значения диалектику изменчивого и инвариантного в окружающем мире.

Говоря о достоинствах древнегреческого языка, делающих его эффективным инструментом коммуникации и адекватного выражения и фиксации мысли, сошлемся на мнение знатока античности, которого коллеги называли «Гомером филологического факультета» (имеется в виду МГУ, им. М. В. Ломоносова), - Радцига Сергея Ивановича. Он относит древний греческий язык к числу языков синтетических и выделяет следующие достоинства: а) большое лексическое и морфологическое богатство; обилие в словаре синонимов, передающих всевозможные оттенки мысли; простота и свобода синтаксиса, создающего простор для развития и выражения различных оттенков мысли - «возможности, ожидания, уверенности или сомнения, приказания, пожелания или осторожного совета, негодования и т. п.»; развитость морфологии, представленная большим разнообразием форм склонения и спряжения: склонение имеет четыре падежные формы, а применительно к некоторым основам и звательную форму; разнообразие времен и наклонений в глагольных формах, позволяющих выражать «многообразные оттенки действия или состояния, длительность и моментальность действия (аорист)» [7, с. 21-22].

В начале XX века тонкий знаток античности Ф. Ф. Зелинский, различая в языках двоякого рода элементы: те, которые выражают предметы непосредственных ощущений и те, которые выражают результаты рефлексии, - выделял два типа языков: сенсуалистический и интеллектуалистический. Исходя из этой классификации, наиболее ярким представителем первого типа будет русский язык - он же наименее интеллектуалистичен, другой тип наиболее выпукло может быть представлен греческим и латинским языками -они же наименее сенсуалистичны [4, с. 24].

Интеллектуалистический тип языка раскрывается в первую очередь посредством времен и наклонений. Первые, задавая кулисы для ожидаемых событий в будущем, распределяют их по разным типам. Русский язык как язык сенсуалистический демонстрирует в этом отношении крайнюю бедность, сливая все типы будущего в общий фон. Наклонения, наиболее развитые в греческом языке, выражают устремление рефлексии к иным, кроме засвидетельственного органами чувств, вариантам действительности. Появление философских учений, каждое из которых представляет собой возможный мир, отличный от наличного, и науки, моделирующей схемы возможных предметных взаимодействий, оказывается релевантным сущностной ориентации языка.

Второе достоинство греческого языка состоит в том, что он дает достаточно полную систему звуков, которые в процессе трансформации в письменность становятся идеальным средством превращения речевого потока в чеканные формы текста.

Третье достоинство состоит в системе спряжения, которая за счет операций с неизменным корнем посредством прибавления частиц, выражающих время

(так называемая «примета времени»), наклонение (так называемая «тематическая гласная»), лицо и число («окончание»), позволяет адекватно выразить действие.

Четвертым достоинством, позволяющим Ф. Ф. Зелинскому квалифицировать греческий язык как «язык-самородок», является отсутствие в нем переводных слов, пришедших из других языков. Благодаря этому он оказывается предельно адекватным средством постижения греческой народной души, отвечая выраженной еще В. Гумбольдтом идее, согласно которой язык представляет собой естественное следствие того непрекращающегося воздействия, которое оказывает на него духовное своеобразие народа, его образ мыслей и мироощущение.

Наибольшую степень совершенства греческий язык обнаруживает в сфере грамматики [4, с. 44-45], являясь донором для других языков, заимствующих у него грамматические формы. Преимущественная грамматичность греческого языка имеет в контексте исследуемой проблемы генезиса науки особую ценность, поскольку грамматика есть первый опыт логики, извлекаемый из работы с языком. Формализм грамматики есть лингвистическая онтология логики, фигуры же логики являются результатом опредмечивания грамматики; не случайно Аристотель исследует силлогистику на языковом материале, на движении мысли в предложениях-суждениях.

На почве русской культуры подход В. Гумбольдта к постижению природы языка был отлит в поэтическую форму П. Вяземским:

Язык есть исповедь народа:
В нем слышится его природа,
Его душа и быт родной.

Функциональная гетерогенность семействам языков впервые отмечается в русской культуре поэтами и писателями³, жизнь которых была подчинена поиску адекватного передаваемому чувству или мысли слова.

Не подвергаю сомнению перечисленные достоинства русского языка, хотелось бы отметить две его особенности, которые, в контексте высказанных оценок, могут быть квалифицированы как слабости и которые позволяют понять такой феномен русской культуры, как отсутствие в ней самобытной философии, тенденции к систематическому спекулятивному философскому творчеству: речь идет об отсутствии жестко фиксированного

---

³ Признание достоинств русского языка как универсального средства передачи тончайших оттенков мысли и душевных состояний соседствует с указанием на особенности других языков, делающие их наиболее одаренными в каком-то одном отношении: «Славянорусской язык, по свидетельству самих иностранных эстетиков, не уступает ни в мужестве латинскому, ни в плавности греческому, превосходя все европейские...» (Г. Державин); «Язык наш выразителен не только для высокого красноречия, для громкой живописной поэзии, но и для нежной простоты, для звуков сердца и чувствительности. Он богаче гармонией, нежели французский; способнее для излияния души в тонах...» (Н. Карамзин); «В продолжение XVIII века новорусская литература выработала тот научный богатый язык, которым мы обладаем теперь; язык гибкий и могучий, способный выражать и самые отвлеченные идеи германской метафизики и легкую, сверкающую игру французского остроумия» (А. Герцен); «Главный характер нашего языка состоит в чрезвычайной легкости, с которой все выражается на нем - отвлеченные мысли, внутренние мученические чувствования, «жизни мышья беготня», крик негодования, искрящаяся шалость и потрясающая страстность» (А. Герцен); «Нет таких звуков, красок и образов мыслей - сложных и простых, - для которых не нашлось бы в нашем языке точного выражения» (К. Паустовский) и др.

порядка построения предложений (подлежащее-сказуемое-второстепенные члены) и неразвитости форм будущего времени. Единство этих двух черт позволяет понять природу пренебрежения в горизонте русской интеллектуальной культуры дисциплиной и методичностью мышления, «мускульной атлетикой слова» (С. Аверинцев), непротиворечивостью и системностью построения, без которых непредставима развитая и самобытная философия. В русской культуре «домом» бытия оригинальных философских идей оказывается художественная литература.

Признание реальности социально-этнических форм бытия мысли позволяет не только задать шкалу оценок достижений и возможностей «своей» культуры, но и выработать верные ориентиры стратегии межкультурного диалога.

Библиографический список

1. Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. Т.1 / А. Афанасьев. - М., 1865.
2. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. - М., 1984.
3. Гумбольдт В. Язык и философия культуры / В. Гумбольдт. - М., 1985.
4. Зелинский Ф. Ф. Древний мир и мы. Изд. 3-е / репринт с изд. 1911 / Ф. Ф. Зелинский // Из жизни идей: в 4-х т.- М., 1995. - Т. 2.
5. Петров М. К. Историко-философские исследования / М. К. Петров. - М., 1996.
6. Пришвин М. Леса к «Осударевой дороге» / М. Пришвин // Наше наследие. - 1990. - №1.
7. Радциг С. И. История древнегреческой литературы / С. И. Радциг. -5-е изд. - М., 1982.
8. Серебренников Б. А. О материалистическом подходе к явлениям языка / Б. А. Серебренников. - М., 1983.
9. Успенский Г. И. Власть земли / Г. И. Успенский // Собр. соч. - М., 1956/- Т.5.